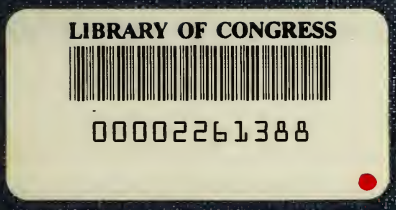
PG 3321
.D6 S85



СУМЕРКИ

МОЕЙ

ЖИЗНИ.

МОСКВА.
При Университетской Типографіи.

1808.

55 · 47739

PG3321
.D6S85

Лучше десять разъ горѣть,
Чѣмъ одиножды вдовѣть.

Руская лословица.

Съ одобренія Ценсурнаго Комитета, учрежденнаго для Округа Имлераторскаго Московскаго Университета.

ЕВГЕНІИ.

Кому кромѣ тебя, милой другъ мой, могу я посвятить весь этотъ плодъ мрачнаго моего воображенія и печальнѣйшихъ дней жизни? Ты былъ мой Геній, тебѣ принадлежатъ всѣ мои горестныя вдохновенія. Доколѣ ты украшала свѣтъ собою, я тебѣ не приносилъ въ жертву стиховъ; нѣтъ! когда я ими дарилъ весь твой полъ, тогда я посвящалъ тебѣ мою душу, мое сердце, каждую минуту моего бытія, и этимъ только возможнымъ смертному приношеніемъ хотѣлъ столько отличить чувства мои къ тебѣ отъ всѣхъ общихъ мнѣ съ другими пристрастій, сколько отличали тебя отъ прочихъ твой рѣдкой нравъ и свойство. Твоему разсудку, твоей кротости, твоимъ пріятнымъ внушеніямъ я обязанъ былъ всѣми драгоцѣнными минутами моего существованія. Ты научила меня быть добрымъ и полезнымъ, и заставила меня чувствовать всѣ тѣ прелести жизни, какія ощущаемъ мы, когда благонравная и любезная женщина обладаетъ нами. Сердце мое кружилось, не умѣло быть постоянно, не стоило тебя, — это правда; но когда я входилъ во внутренность его, ко-

гда могъ его находить свободнымъ отъ паровъ пламеннаго воображенія, я всегда зрѣлъ въ немъ образъ *Евгеніи* выше всѣхъ въ свѣтѣ, и никакой иной предметъ не силенъ былъ въ этомъ чистилищѣ прямой любви выдержать сравненія съ тобою; послѣ бурныхъ волненій страстей, послѣ порывистыхъ желаній обольщеннаго взора и ума, ты всегда находила мѣсто свое въ моемъ сердцѣ, и тебѣ, какъ богу, курилъ я жертву истинной любви. Когда изображенья многихъ стирались въ душѣ моей и не оставляли даже малѣйшаго о себѣ напоминанія, одинъ твой образъ въ немъ день отъ дня врѣзывался глубже, и слова твои были для меня закономъ. О безподобное преимущество добродѣтели! священныя права непорочности! вы были сокровище моей *Евгеніи* и неотъемлемая ея собственность. Съ восторгомъ исповѣдую я публично сіи сокрытыя во глубинѣ сердца моего истины! и чѣмъ инымъ могу я воздать милому праху безподобной жены за всѣ ея благодѣянія, за ту блаженную судьбу, которою наслаждаясь 17 лѣтъ, обязанъ былъ одной ей, ея наставленіямъ, ея любви? — Она занимала мой разумъ, украшала мое воображеніе, просвѣщала мое понятіе, и останавливая не рѣдко на скользкомъ

нуши заблужденїя, предупреждала пагубныя его послѣдствїя; раздѣляя съ терпѣливостїю стоическою иго моей бѣдности, она безъ ропоту сносила мои недостатки, плакала со мною о тѣхъ бѣдствїяхъ, кои навлекалъ я на себя собственною своею неосторожностїю. Вотъ ея жертвы, — а мои, увы! состоятъ только въ стихахъ; я не могъ ни чѣмъ возвысить ея жребїя; тишло, одно тишло громче другаго въ свѣтѣ, есть бѣдное прїобрѣтенїе для добродѣтели. Какъ зодчїй зиждетъ зданїе: такъ она приготовляла меня постепенно быть способнымъ доставить ей въ старости дней ея то спокойствїе, какого въ правѣ была она ожидать отъ Безсмертныхъ; но рокъ похитилъ ее у меня, какъ бы къ усугубленїю потери моей, въ то время, когда свойственно существамъ нашего пола, теряя мечты обманутыхъ чувствъ, начинать прїучаться къ щастїю имѣть нѣжную подругу и беречь сей даръ Боговъ неоцѣненный. Она меня не слышитъ уже, не видитъ, и я только на бездушной смотрю истуканъ ея. Естьли перо мое когда-либо испорчено могло быть лестїю (естьли, говорю я потому, что будучи простодушенъ, я никогда не обманывалъ другихъ иначе, какъ обманывался прежде самъ, слѣдо-

вательно внушалъ, какъ истину, то, что мнѣ ею подлинно казалось) — то никогда не было ея менѣе въ устахъ моихъ, какъ нынѣ. — Сердце мое изливаетъ на бумагу весь сосудъ печали своей въ память одной *Евгеніи*, которую еще дерзну назвать *моею*, хотя душа ея Небу одному уже принадлежитъ. Мiръ, это пространное эхо безчисленныхъ языковъ, судитъ о движеніяхъ сердца по внѣшнимъ однимъ чертамъ нашихъ лицъ и поступковъ; онъ не знаетъ тайны сердца моего, и я на судъ его не отдамъ ее вовѣки; но ты, *Евгенія*, ты знала мою душу, и съ неба взирая на мою печаль, отдашь справедливость тѣмъ чувствамъ моимъ къ тебѣ, коими памятникъ твой вѣковѣчный украшаю. Но, ахъ! вмѣстѣ съ симъ я тѣнь твою дражайшую не обольщаю; я сынъ Природы, и не смотря на воедневной источникъ слезъ моихъ, проливаемыхъ надъ каждой бездѣлкой, послѣ тебя у меня сохранившейся, хотя, также какъ одинъ Писатель, тужу всякой часъ о томъ, для чего время похищаетъ самыя наши печали о смерти милаго предмета, и часъ отчасу дѣлаетъ ихъ слабѣе, — не смотря на всю чрезвычайность мучительной тоски, — можетъ быть я судьбою выставленъ буду на показъ

мїру, дабы послужить новымъ примѣромъ человѣческому роду, что нѣтъ постояннаго сокрушенїя, и что Натура тверда въ своихъ законахъ, независимо отъ положенїя нашего сердца. — Пусть собранїе сихъ стиховъ, именемъ твоимъ одушевляемыхъ, будетъ послѣднїй видимый даръ мой на твоемъ гробѣ! Я не тщетно назвалъ его *Сумерками*, — ты была солнце лучшихъ лѣтъ моей жизни! Музы и прїязнь поддерживали сирые дни мои, — имъ я обязанъ былъ роздыхами отъ убивственной моей печали, которая естьли скоро послѣ послѣдняго твоего вздоха не извлекла и моего, то для того единственно, чтобъ оправдать сїю ужасную истину, что нѣтъ той бѣды на свѣтѣ, которой бы человѣкъ не пережилъ.

1806 года,
Декабря 20 дня.

ОГЛАВЛЕНІЕ

		Стран.
1.	*Въ день ея именинъ.* - -	9
2.	*Въ день ея рожденія.* - -	10
3.	*Романсъ.* - - -	12
4.	*Тоска.* - - -	14
5.	*Жизнь.* - - -	16
6.	*Старинка.* - - -	23
7.	*Великимъ.* - - -	28
8.	*Другъ.* - - -	32
9.	*Посланіе ко мнѣ.* - -	37
10.	*Тальша.* - - -	42
11.	*Ночная поѣздка.* - -	44
12.	*Усленское.* - - -	47
13.	*Размышленіе на берегу рѣки Клязьмы.* - - -	49
14.	*Хижина на Рѣни.* - -	57

СУМЕРКИ

МОЕЙ ЖИЗНИ.

24 Декабря, въ день ея именинъ.

Pour l'aimer c'eſt trop peu d'une ame, je le ſens,
Et pour la regretter, c'eſt trop peu de la vie.

Тебѣ, Евгенія, приносимъ
Любимый твой Адажьо въ даръ (1)!
Природу мать всѣхъ тварей просимъ,
Да уврачуетъ нашъ ударъ.
Въ ея ты нѣдра возвратилась;
Тебя не слышимъ мы — не зримъ,
И гдѣ душа твоя сокрылась,
Увы! вотще познать хотимъ.

*

Приникни къ намъ съ высотъ священныхъ!
Услыши сей печальный хоръ
Супруга, чадъ преогорченныхъ,
И кинь на домъ сей — домъ твой взоръ!
Твоихъ пріятствъ изображенье
Изъ глазъ не выдетъ никогда;
Любезныхъ свойствъ воображенье
Въ умахъ осталось навсегда.

*

(1) Здѣсь прилагаются ноты сего Адажьо, которое она преимущественно любила предъ прочею музыкою Г. Гайдена.

Къ тебѣ мы руки воздѣваемъ,
Изъ сердца вздохъ унылый шлемъ;
Тебѣ всю нашу скорбь вѣщаемъ,
Блажимъ, боготворимъ, поемъ:
Въ странѣ, гдѣ всѣхъ существъ Зиждитель
Для правыхъ душъ устроилъ рай,
Ты будь въ ней Ангелъ нашъ хранитель,
И сирыхъ насъ не забывай!

❄

О Боже, насъ всего лишившій,
Отнявшій друга, мать, жену,
И мглой отчаянья покрывшій
Дней нашихъ осень и весну!
Реки, судьбу мою свершая,
Реки мнѣ, Господи: — умри!
И съ ней меня вновь съединяя,
Намъ вѣчну память сотвори!

Въ день ея рожденія, 25 Декабря.

Возьми меня, мой другъ сердечной,
Возьми къ себѣ въ небесный край!
Съ тобой отрады жизни вѣчной,
Съ тобой вкушать тамъ буду рай.
Увы! что въ жизни сей мятежной,
Гдѣ тишины не льзя найтить,
Гдѣ рокъ всѣмъ общій, неизбѣжной —
Грустить, вздыхать и слезы лить?

❄

Ни что меня не утѣшаетъ
Въ разлукѣ вѣчной здѣсь съ тобой;
И каждый мигъ лишь удаляетъ
Отъ чувствъ растроганныхъ покой.
Что прежде мысли занимало,
Изчезло все, какъ легкой сонъ;
И сердце нѣжное спознало
Тоски ужасной тяжкій стонъ.

*

Въ моей уединенной долѣ
Какой отрадой духъ польстишь?
Блаженства нѣтъ и на престолѣ,
Когда на немъ одинъ сидишь.
Самъ-другъ велитъ намъ жить Природа;
Душа въ другой душѣ живетъ:
Несноснѣй смерти та свобода,
Которая цѣпь любезну рветъ.

*

Я эту цѣпь безъ принужденья
Носилъ семнадцать слишкомъ лѣтъ;
А смерть, ея разсыпавъ звенья,
Тюрьмой назначила мнѣ свѣтъ.
Пора, пора мнѣ съ нимъ разстаться,
Искать въ той вѣчности угла,
Гдѣбъ можно было не терзаться,
И съ милымъ другомъ жить безъ зла!

*

Печаль, болѣзнь оставя смертнымъ,
Какъ ихъ естественной удѣлъ,
Я жажду къ существамъ безсмертнымъ,
Проникнуть смерти за предѣлъ,

И тамъ, во области священной,
Въ прохладѣ вѣчно-ясныхъ дней,
Съ женой единственной, безцѣнной,
Жить сердцемъ, мыслью и душей!

РОМАНСЪ.

31 *Генваря, въ день, въ которой я на ней женился.*

Потерявши всё на свѣтѣ
Съ безпримѣрною женой,
Чтожъ осталось мнѣ въ предметѣ,
Кромѣ смерти лишь одной?

*

Всякой день мое нещастье
Множитъ пропасть мыслей злыхъ;
Все вокругъ меня ненастье,
А дни ясны для другихъ.

*

Ахъ! кому теперь открою
Тайны чувства моего?
Съ кѣмъ дѣлиться мнѣ душою,
Сердцу биться для кого?

*

Въ безконечной сей громадѣ,
Что вселенною зовутъ,
Гдѣ найду я путь къ отрадѣ?
Мила друга нѣтъ ужъ тутъ!....

*

Онъ отъ глазъ моихъ сокрылся,
Не на часъ – а на всегда;
Съ нимъ я жизнью веселился —
Безъ него мнѣ жизнь бѣда.

*

Всѣ душевны восхищенья,
Все вниманіе друзей,
Ласки нѣжной услажденья
Находилъ въ женѣ моей;

*

Она рай мнѣ созидала
Безподобной при себѣ,
Цѣну жизни придавала
И красу моей судьбѣ:

*

Я не зналъ тогда печали,
Не страдалъ уединенъ;
Всюду радости встрѣчали;
Дома вдвое былъ блаженъ;

*

Я любилъ, и быть любезнымъ
Искалъ другу моему,
И страданьемъ безполезнымъ
Не былъ въ тягость никому;

*

А теперь мнѣ все несносно!
Что ни дѣлай, нѣтъ ее!
Для чегожъ не смертоносно
Мнѣ отчаянье мое?

*

Для чего вы продолжили,
Боги, тщетну жизнь мою?
Для чего вы разтворили
Токи слезны, кои лью?

❋

Я дышу еще къ мученью,
Не желая ничего,
И враждуя утѣшенью,
Жду отъ времени того,

❋

Чтобъ свою явило силу
Не цѣлить мою печаль,
Но вселить въ одну могилу
Съ той, кого до смерти жаль!.....

ТОСКА.

Всё на свѣтѣ заблужденье,
Видимъ ясно всякой день.
Гдѣжъ прямое утѣшенье?
Иль вездѣ его лишь тѣнь?

❋

Насъ Природа обольщаетъ,
Пустяками всё манитъ;
Тѣмъ поутру восхищаетъ,
Чѣмъ на вечеръ погубитъ.

❋

Для чего тотъ садъ, тѣ воды,
Гдѣ мнѣ годъ казался мигъ,
Гдѣ дурной не зналъ погоды,
Нынѣче хуже всѣхъ другихъ ?

*

Ахъ ! вся жизнь ни что какъ мука,
Злыхъ путей горчайшій слѣдъ;
Съ ней мгновенная разлука
Легче всѣхъ на свѣтѣ бѣдъ.

*

Каждой день, какъ солнце встало,
Нову шлетъ судьба печаль;
Солнце къ западу лишь пало,
Всё чего нибудь да жаль !

*

Долго ль будемъ мы шататься
Какъ тростникъ въ юдоли сей ?
Долго ль будемъ обольщаться
Измѣненіемъ страстей ?

*

Лучше ввѣкъ бы не родиться,
Въ пустотѣ хаоса быть,
Чѣмъ съ разсудкомъ всё браниться,
Или съ сердцемъ всё тужить.

*

Жизни входы отверзая,
Тяжко всякой день страдать;
Тяжко, пепелъ въ хлѣбъ вмѣняя,
Питье съ плачемъ разтворять.

*

И сію судьбу блаженствомъ
Иногда еще зовемъ;
Все творимъ съ несовершенствомъ,
А премудрыми слывемъ.

*

Мы вселенной обладаемъ,
Мы гордимся красотой;
Мы богатства расточаемъ:
Чтожъ мы сами? прахъ земной.

*

Смерть! тебя пусть тотъ страшится,
Кто печали не позналъ;
Кто лишь въ радостяхъ слезится
И въ недугахъ не вздыхалъ.

*

Для меня здѣсь нѣтъ покою,
Я во гробъ къ нему вселюсь;
Разлучася самъ съ собою —
Ига бѣдствія лишусь.

ЖИЗНЬ.

Qu' eſt ce que la vie? — une guerre —
Une guerre eternelle avec le malheur.

Посмотришь на себя, посмотришь на людей:
То скука, то печаль — нѣтъ дня безъ приключенья,
Минуты безъ досадъ, — часа безъ огорченья,
И вся-то наша жизнь не стоитъ двухъ грошей!

Родимся — закричимъ — въ пеленки завернемся
И въ нихъ уже болѣзнь присутствовать начнетъ,
То вырѣжится зубъ — то колика пройметъ,
А съ оспой наконецъ порядочно набьемся.

*

Лишь станетъ разумѣть ребенокъ что нибудь,
То въ школу — тутъ онъ книгъ полсотни прочитаетъ,
На пропись, на цыфирь стопъ десять измараетъ,
Всему горазъ дитя — каковъ-то будетъ путь?

*

Изъ школы молодецъ на службу покатилъ;
Хотя законовъ онъ своихъ еще не знаетъ,
Но такъ какъ гражданинъ, родъ жизни избираетъ,
Про то ему старикъ отецъ уже внушилъ.

*

Куда же молодца запишемъ для примѣра? —
Въ солдаты? хорошо — ружье ему, тесакъ,
Капралъ кричитъ въ сердцахъ за всё про всё не такъ,
Тотъ слово — онъ туза — а фукшель не химера.

*

Игрушкою такой — (легко повѣрить мнѣ)
За Логикой убивъ всю молодость исправно,
Не всякому я чай потѣшиться забавно,
И фукшелемъ рѣшить проблемы на спинѣ.

*

Куда же молодца? — ужь ли пойти въ отставку?
За чѣмъ? — пускай его идетъ въ приказной чинъ,
Тамъ будетъ дѣйствамъ онъ изыскивать причинъ,
И станетъ брать къ себѣ изъ всѣхъ кармановъ справку.

❋

А Логика? — не льзя — она вить говоритъ,
Что кто безъ всякихъ правъ польстится взять чужое;
Безчестно поступя, тотъ сдѣлаетъ худое,
Отъ мысли сей одной ужъ онъ съ стыда горитъ.

❋

Онъ очень честенъ, добръ и судитъ безпристрастно,
Да сверхъ того еще курсъ Физики прошолъ,
Виргилій въ головѣ — Алгебру всю смололъ,
На Глобусѣ весь свѣтъ межуетъ разпрекрасно.

❋

Острякъ? — а хлѣба нѣтъ, и даромъ не дадутъ;
Тѣ мимо его чинъ, тѣ пенсію хватаютъ,
Онъ нудится — а рай другіе восхищаютъ,
И трудъ его цѣнитъ весьма не рѣдко шутъ.

❋

Какъ въ случаѣ такомъ прикажете рѣшиться?
Хоть *Канта* въ микроскопъ какъ мошку разбери
И древнихъ мудрецовъ всѣ строчки разсмотри,
Взять стыдно — а не взять, такъ воздухомъ питаться.

❋

Инъ лучше кинуть все — взялъ абшитъ —
и домой,
Прекрасно! право такъ — почувствуй тамъ
свободу,
Не будутъ ни тебѣ, ни ты скучать народу;
Въ блаженной простотѣ узнаешь ты покой.

*

Геснера вить читалъ — прекрасныя овечки
Съ прекраснымъ пастушкомъ пасутся тамъ
всегда,
Лазурный сводъ небесъ — прозрачная вода,
Тамъ мѣсяцъ вмѣсто свѣчь, а солнце вмѣсто
печки.

*

Пріѣхалъ? что нашелъ? — пастухъ мой какъ
пастухъ,
Арапникомъ овецъ претолстымъ погоняетъ,
Стрижетъ ихъ безъ пощадъ, и грамотѣ не
знаетъ,
И вмѣсто миртовъ, ахъ! какой прескверной
духъ.

*

Тамъ осень — вечера — зимой пошли морозы,
Подай-ка малой свѣчь — внеси-ка Фомка дровъ,
Ахти какой климатъ! не все-ль онъ такъ су-
ровъ?
Бесѣды никакой — лишь тянутся обозы.

*

Семъ въ городъ? — въ лучшій свѣтъ — и вѣ-
домо ступай,
Тутъ молодости всѣ пріятности явятся,
Нѣжнѣйши страсти въ духъ тихохонько все-
лятся,
Рѣзвись — играй — люби — вотъ щастье
гдѣ — вотъ рай!

*

И подлинно раекъ — любовная досада,
Вражда большихъ господъ — коварство, гор-
дость, лесть,
Насиліе сердецъ, обманчивая честь,
За правду гнѣвъ и зло — за происки награда.

*

Друзей ни одного — враговъ и щету нѣтъ,
Снаружи видъ небесъ — въ душѣ весь дымъ
геенны,
Корысть единый богъ — ей всѣ порабощенны:
Не правдаль, какъ хорошъ повсюду лучшій
свѣтъ?

*

Женился? — трепещи — предупреждай измѣны;
Дѣтей далъ Богъ? — ищи, чѣмъ юныхъ про-
питать.
Кому помолвить дочь? — куда сынка дѣвать?
Почувствуй ихъ судьбы внезапныя премѣны.

*

А между тѣмъ вить ты въ надеждѣ, что твое
Имѣнье отъ обидъ заочно охранится,
Твой пахарь, домъ, земля отнюдь не раз-
зорится,
Провѣдай господинъ помѣщикъ — згибло все.

*

Но можно чай просить, чтобъ слѣдовать велѣли,
Конечно — о! тогда все въ ясность приведутъ,
Изъ тяжбы въ тяжбу, такъ тебяжъ заволокутъ,
Что будешь радъ тому, что самаго не съѣли.

*

Вотъ всѣхъ суетъ успѣхъ и жизни общей мзда,
О славѣ уже здѣсь не говорю ни слова;
Спросите на ушко изъ знатныхъ баръ любова,
Не жметъ ли ихъ подъ часъ алмазная звѣзда?

*

А молодость едва промчитъ на крыльяхъ время,
Не взвидишь, какъ тотчасъ морщины посѣтятъ;
Тутъ новыя совсѣмъ потѣхи взвеселятъ,
Природа на тѣла злощастій кинетъ бремя.

*

Зачнешь похоронять родителей, друзей,
Не рѣдко милыхъ чадъ оплакивать кончину,
Терять послѣднихъ благъ единственну причину,
Любовницу, жену, того, кто всѣхъ милѣй!

*

Останешься одинъ — одинъ въ пространствѣ міра,
Во всѣхъ семействахъ гость — во всѣхъ странахъ чужой,
О мысль, ужасный адъ влекущая съ собой!
Среди мильоновъ душъ — себя увидишь сира!

*

Въ добавокъ геморой съ подагрою самъ-другъ,
Одышка, параличь безъ зву нахаломъ грянутъ,
Служители души откланиваться станутъ,
Смеркаться быстрой взоръ, и глохнуть тонкой слухъ.

❄

А прежде всѣхъ Амуръ — о! дитятко любезно,
Какъ нѣжной къ ночи цвѣтъ завянетъ, опадетъ,
Сосудъ земныхъ отрадъ до суха изведетъ,
И вѣчно поминать себя научитъ слезно.

❄

Потомъ еще годокъ — и мать сыра земля,
Объемля насъ въ своихъ могилахъ безконечныхъ,
Свершитъ Натуры долгъ и цѣль Судебъ предвѣчныхъ,
Царя съ рабомъ равно пригоршней надѣля.

❄

Таковъ-то нашъ животъ! — Ахъ, естьлибъ человѣки
Могли такую смѣсь заранѣе познать,
Не чаю, чтобы кто замѣшкался сказать:
О Господи! не дай родиться вовѣки!

СТАРИНКА.

Des ſimples jeux de ſon enfance
Heureux, qui ſe ſouvient longtems.

Пріятно вспомнить старину,
Задумавшись остановиться,
И мысленно поворотиться
Минутъ протекшихъ въ глубину.
Въ такомъ уныломъ размышленьи,
Питаясь милою мечтой,
Какъ часто сердца ушѣшенья
Съ душевной смѣшаны тоской!

*

Уже далеко отъ меня
Моя ты юность драгоцѣнна!
Эпоха жизни преблаженна!
Тебя возобновить не льзя.
Ты скоро бѣгъ свой совершила,
Едва твои примѣтилъ дни;
Но, ахъ! ихъ память не простыла,
И въ ней присутствуютъ они.

*

Куда вы дѣлися часы,
Когда не вѣдая, что скушно,
Смотрѣлъ на роскошь равнодушно,
И презиралъ ея красы?
Печаль, какъ аспидъ, не сосала
Души незлобивой моей,
Хандра (*) ума не посѣщала,
О! — я и незнакомъ былъ съ ней.

*

(*) Въ моемъ Лексиконѣ такъ называется ипохондрія.

Какъ часто въ клобы я тогда
Пріѣхать прежде всѣхъ старался,
Домой послѣдній возвращался, —
И не забуду никогда
Тѣхъ Польскихъ, въ коихъ столь прекрасно
Весь вечеръ съ милой проведя,
Твердилъ о страсти ей всечасно,
Очей горящихъ не сводя!

❋

Восторгомъ нѣжнымъ увлеченъ,
Бывало мнѣ не до фигуры,
Проворно строю только куры,
И въ полной мѣрѣ ставъ блаженъ,
Я мнилъ разставшися съ дражайшей,
Ее какъ бога полюбя,
Что ужъ достигъ до величайшей
Блаженства мѣры для себя!

❋

Ваксалы, пикники, редутъ,
Въ систему мы не приводили,
Но тьмы забавъ тамъ находили,
Не видя, какъ часы бѣгутъ.
Причудъ жеманства не знавали,
Рѣзвились просто, безъ чиновъ,
Ума въ карманахъ не искали,
На случай былъ всегда готовъ.

❋

Спасибо памяти моей,
Еще она не такъ ветшаетъ,
Не рѣдко мнѣ воображаетъ
Пріятство тѣхъ прекрасныхъ дней;

Я въ ней сокровище имѣю
Неисчерпаемыхъ утѣхъ,
Отъ грусти нынѣшней умѣю
Прошедшихъ лѣтъ припомнить смѣхъ.

❋

Какъ будто лавка, гдѣ нарядъ
Различныхъ вкусовъ продается,
Гдѣ алой съ чернымъ цвѣтъ сполкнется,
Бери, что встрѣтится на взглядъ:
Такъ точно память запасаетъ
Печаль и радость прежнихъ лѣтъ,
А мысль тотъ случай избираетъ,
Которой ей на вкусъ придетъ.

❋

Скажите сверстники мои:
Подъ общимъ небомъ вы судьбою,
Въ Москвѣ родившися со мною,
Ужь ли вы радости свои
Ровняя съ прежними годами,
Когда все возлѣ васъ цвѣло,
Какъ я, не чувствуете сами,
Что нынѣ все не такъ пошло?

❋

Сему причина, скажутъ, та:
По мѣрѣ, какъ проходятъ годы,
Должна изчезнуть отъ Природы
Живой веселости черта.
А свѣтъ таковъ же постоянно,
Какъ брошенъ былъ изъ рукъ Творца,
Горятъ въ немъ астры безпрестанно,
Но стынутъ только лишь сердца.

❋

Не свѣтъ, а духъ намъ измѣнилъ;
Природа хочетъ неотступно,
Чтобъ съ юностію совокупно
Терялся быстрой подвигъ силъ,
А съ нимъ терялось вмѣстѣ свойство
Надежности въ самихъ себѣ;
И такъ почтимъ боговъ устройство,
И покоримся ихъ судьбѣ.

*

Ахъ, нѣтъ! — мои друзья! не такъ
На этотъ щетъ я разсуждаю,
Робятъ и нынче я встрѣчаю,
Но лицъ веселыхъ ужъ никакъ.
Всѣ стали томны, скучны, вялы,
Никто не радъ здѣсь ничему, —
Давай, какіе хочешь, балы,
Въ нихъ нѣтъ отрады никому.

*

А мы такъ въ прежніе года
Китайской тѣнью восхищались,
И фокусъ-покусомъ прельщались; —
А коль на званой балъ когда
Поѣхать щастье насъ поищетъ,
То всякой, право я не лгу,
Противъ того числа запишетъ
Въ карманной книжкѣ крестъ въ кругу.

*

Теперь потѣху Богъ послалъ
Одну — но долголь то продлится?
Большой и малой, все стремится
Въ пыли подъ самой зной на валъ;

Да и туда всѣ пріѣзжаютъ,
Когда зги Божьей не видать;
А день деньской куда дѣваютъ,
По чести трудно отгадать.

*

И такъ коль хочетъ человѣкъ
Съ примѣрами сообразиться,
Сравнять отъ скуки потрудится
Съ прошедшимъ настоящій вѣкъ,
Онъ тотчасъ въ самомъ ихъ сложеньи
Большую разницу найдетъ;
Не даромъ рѣчь въ употребленьи:
Всегда вѣкъ на вѣкъ не придетъ.

*

О память дней, которыхъ нѣтъ!
Живи въ моемъ воображеньи,
Храни кратчайшія мгновенья
Моихъ благополучныхъ лѣтъ;
Готовь пріятное мнѣ средство
Мою украсить сѣдину,
Чтобъ могъ смягчить недуговъ бѣдство,
Съ улыбкой вспомня старину.

ВЕЛИКИМЪ.

Великъ, кто противъ всѣхъ превратностей судьбины
Терпѣніе какъ щитъ поставилъ предъ собой!
Его не потрясутъ земные исполины,
Владыки не плѣнятъ ума его мечтой.

*

Дѣлить огромный пиръ съ роскошными сынами,
Есть дѣло нашихъ чувствъ, обычное для всѣхъ;
Но слёзу чтобъ пролить надъ смертнаго бѣдами,
Умѣлъ ли ставить кто въ ряду своихъ утѣхъ?...

*

Быть въ славѣ, въ торжествѣ, внимать народну клику
Кто всякой день изъ насъ стократъ не возжелалъ?
Кому нейдетъ на мысль въ народѣ слыть велику?
А вправду стать такимъ едва ль кто достигалъ.

*

Пусть всякой, кто сердецъ изгибы разумѣетъ,
Кто съ Ноевыхъ временъ Исторію прочелъ,
Пусть скажетъ, коль сказать онъ правды не робѣетъ,
Кого, когда, и гдѣ великаго нашелъ?

*

Историкъ! дай отвѣтъ на всѣ мои вопросы,
Доводы собери изъ кучи древнихъ книгъ,
Людскихъ затѣй и дѣлъ изслѣдуй всѣ хаосы,
И перстомъ укажи, кто былъ великъ хоть
мигъ?

*

Въ волненіи страстей владѣлъ ли кто собою?
Прощалъ ли кто врага, когда онъ могъ терзать?
Гнушаясь хитрыхъ устъ коварною хвалою,
Кто правды грубый гласъ ей зналъ предпо-
читать?

*

Кто въ жизни всякой шагъ размѣрилъ такъ
пристойно,
Что могъ не устрашась внезапно умереть?
И славы почиталъ лишь то одно достойно,
Чтобъ ближнему помочь — о немъ душой ра-
дѣть?

*

Кто малой свой удѣлъ достаточнымъ считая,
Чужое могъ бы взять, но правомъ тѣмъ мерзилъ,
Или трудомъ ума сокровища сбирая,
На встрѣчу бѣднымъ текъ, и нищаго снабдилъ?

*

Кто въ воѣ при полкахъ, щадя враговъ безум-
ство,
Багряной крови токъ стремился удержать,
Согласья и любви питая нѣжно чувство,
Не веси и града — сердца умѣлъ плѣнять?

*

Кто краткой жизни сей исчисля дни и годы,
Не тратилъ въ суетахъ на пользу данной вѣкъ,
Безъ общаго добра не зрѣлъ своей выгоды,
И помнилъ каждой часъ, что онъ лишь человѣкъ?

❋

Се мой Великій Мужъ! кажи его вселенна,
Вѣщай его дѣла, труби ихъ въ полной рогъ,
Да будетъ въ родъ и родъ ихъ память незабвенна,
Восхвалятъ сихъ Мужей и рабъ, и Царь, и Богъ!

❋

Кто сей? гдѣ онъ? реки . . . паду я ницъ на землю,
И края ризъ его со трепетомъ коснусь,
Въ восторгѣ паче мѣръ стопы его объемлю,
Воздвигну ему храмъ, подъ кровъ его вселюсь.

❋

Явитесь мнѣ на мысль Владыкъ воспѣтыхъ роды,
Въ единствѣ видя васъ, я дивныхъ зрю вождей;
Но рядомъ разсмотря подвластны вамъ народы,
Тирановъ тонкихъ тьма, великихъ нѣтъ мужей.

❋

Доколь въ васъ кровь течетъ и разумъ суетится,
Великъ! — кричитъ соборъ поверженыхъ гражданъ;
Изыдетъ только духъ — личина съ васъ валится,
Ходули затрещатъ, сталъ карлой великанъ.

❋

Примѣровъ ли искать? — увы! ихъ также много,
Колико при краяхъ морскихъ песочныхъ зернъ;
Природа лишь одна хранитъ уставъ свой строго,
И знатной трупъ и мой одинъ покроетъ дернъ.

❋

Почувствуемъ убо разсудокъ очищая,
Что сколько мы себя великими ни чтимъ,
И сколь ни высить насъ льстецовъ молва гнилая,
Мы немощей сосудъ и мудрость наша дымъ.

❋

Ни громкой подвигъ нашъ насъ въ гробъ не провождаетъ,
Ни мыслей быстрой сонмъ за нами не летитъ,
Желанья, волю, мочь, все вѣчность поглощаетъ;
Вчера за нами все — сего дни прочь бѣжитъ.

❋

Познаемъ внутрь себя свои несовершенства,
Навыкнемъ разумѣть, что Богъ одинъ Великъ;
Что нѣтъ безъ дѣлъ благихъ ни здѣсь, ни тамъ блаженства;
Что ихъ не замѣнитъ порабощенныхъ крикъ.

❋

О Боже! Ты Великъ и тверд въ своихъ мѣрилахъ,
Тебѣ лишь одному хвала принадлежитъ
Въ эфирѣ, на землѣ, въ моряхъ и во свѣтилахъ,
Природа вся Тебѣ со страхомъ предстоитъ.

❋

Спасай, щади, люби, возвысь Свое созданье,
Гордыню яко прахъ людскихъ умовъ развѣй,
Ко истиннѣ, къ Тебѣ направь сердецъ желанье,
И духъ вражды убивъ, любовью ихъ согрѣй!

*

Тобою человѣкъ стезю всѣхъ благъ находитъ,
Ты въ образѣ его съ Собою соравнилъ;
Твоя рука его и гнетъ и въ верьхъ возводитъ,
Но что мы безъ Тебя? ничто какъ только . . . . . *илъ*,

ДРУГУ.

Il eſt cent amis pour nous plaindre
Et pas un pour nous ſecourir.

Для дружбы созданъ тотъ, кто съ нѣжною душою
Разсудкомъ проложитъ умѣетъ путь къ покою;
Горячность юныхъ лѣтъ и молодости жаръ
Препятствуютъ вкушать блаженной дружбы даръ.
Противно сердца ей малѣйшее волненье;
Любезны: скромной взоръ и тихое движенье.
Простое я люблю, безъ всякихъ лишнихъ строкъ,
Въ которыхъ затвердилъ любовникъ свой урокъ,
Довольно для неё, и даже очень много,
За тѣмъ что разумъ словъ берется въ дружбѣ строго.

Другъ силится души всѣ сгибы развернуть,
Спокойный мигъ продлить, въ тоскѣ самъ-другъ вздохнуть;
И дружба хоть нѣжна, однако же не льстива,
Тверда въ своихъ связяхъ, въ совѣтахъ справедлива;
Проступковъ не спѣшитъ съ восторгомъ извинять,
Ни слабости причинъ похвальныхъ вымышлять.
Прямая дружба все разсматриваетъ ясно,
И судитъ о любви оттѣнкахъ безпристрастно.
Вотъ дружбы, коей міръ объемлетъ лишь мечты,
Небесной дщери сей, божественны черты!
Она ли? я прошу, чтобъ вы мнѣ то сказали,
Вы, кои духъ ея въ нещастьяхъ испытали.
Мнѣ кажется, ужъ вы сказать готовы — *да*,
Иною дружба быть не можетъ никогда.
Но всѣ ли мы ее такъ точно изъявляемъ,
Какъ чувствуетъ душа, какъ въ мысляхъ понимаемъ?
Наполненъ свѣтъ друзей; въ немъ даже и злодѣй
Мнитъ другомъ чьимъ-нибудь быть въ совѣсти своей:
Ахъ! не-хотя велитъ здѣсь истинна признаться,
Что въ дружбѣ мастера всѣ люди ошибаться:
Красивое словцо и тоненькой обманъ
Тамъ дружбы кажутъ видъ, гдѣ пагубный тиранъ!
Умовъ незрѣлыхъ царь, владыко безразсудной,
Воюя надъ душой въ борьбѣ толико трудной,

Умѣетъ изъ нее изторгнуть наконецъ
Дань бѣдну естества и слабости сердецъ.
Какъ часто тонкой ядъ въ политикѣ лукавой
Изъ устъ, въ которыхъ рѣчь напитана отравой,
Достигнувши души, во всю польется кровь! —
Подумаешь тотчасъ, что тутъ-то и любовь.
Какъ часто изъ одной корысти человѣки —
(Я чаю было то въ златые даже вѣки) —
Въ приманкахъ дружбы сѣть закинутъ напередъ,
Послушай словъ — горятъ, пощупай сердце — ледъ!
Какъ часто для того, чтобъ случая добиться,
Скорѣй достать чинокъ, повыгоднѣй жениться,
Иные, не стыдясь ни чести, ни людей —
Богъ знаетъ, гдѣ себѣ промыслятъ тьму друзей!
О томъ уже теперь никто не разсуждаетъ,
Что разумъ, сердце, нравъ, связь дружества скрѣпляетъ.
Довольно небольшихъ пріятельскихъ услугъ, —
И тотчасъ кто-нибудь зоветъ тебя: мой другъ!
Не меньше должно взять и то во уваженье,
Что нынѣ завелось такое обращенье,
Которому почти не льзя противустать,
И юности пришлось невольно погибать.
Не всякой одаренъ столь чистымъ проницаньемъ,
Чтобъ истинну любовь съ ея очарованьемъ

Умѣя различить, отвергнулъ сладку лесть,
И правду безъ чиновъ могъ ласкамъ предпочесть;
Подъ общей нынѣ всѣ скрываются личиной,
За правду побоясь досады быть причиной —
Мужь докажетъ женѣ, родитель дѣтямъ льститъ; —
По совѣсти никто двухъ словъ не говоритъ.
Какъ бронза золотцомъ немножечко прикрыта,
Такъ внутренность у всѣхъ подъ нѣжнымъ взоромъ скрыта:
Повсюду похвалы, объятія, восторгъ,
Со словомъ: ты мой другъ! летитъ — свидѣтель Богъ.
Ищи пожалуй въ нихъ той дружбы безподобной,
Врачующей печаль, смягчить бѣды способной,
Которой въ старину плѣнялись и Цари,
Предъ коей, говорятъ, курились олтари.
О, нѣтъ! никакъ не льзя симъ чувствомъ насладиться
Тому, въ комъ съ сердцемъ умъ не можетъ согласиться:
Кто любитъ еще быть подвластенъ всѣмъ страстямъ,
Кто мечется вездѣ, какъ лодка по волнамъ;
Тому, кто цѣлой день бѣжитъ уединенья,
Страшится мигъ одинъ прожить безъ восхищенья,
Для дружбы тотъ одинъ на свѣтѣ семъ готовъ,
Кто опытностью старъ и лѣтами не новъ. —

Премудрое и съ тѣмъ благое Провидѣнье,
Чтобъ смертнымъ низпослать подъ старость утѣшенье,
Когда къ закату дней приближится своихъ,
Способность имъ даетъ цѣнить друзей прямыхъ;
Въ замѣну пылкихъ чувствъ, возторговъ безпримѣрныхъ,
Тѣхъ сладостныхъ надеждъ, и вмѣстѣ столь невѣрныхъ,
Которыми сердца во младости манимъ,
И сонъ ума продлить до позднихъ лѣтъ хотимъ,
Чтобъ память заглушить неопытнаго дѣтства,
Къ блаженной тишинѣ назначить путь и средства:
Творецъ безсмертныхъ благъ, Источникъ нашихъ силъ,
Раскаянья во слѣдъ къ намъ дружбу проводилъ;
Одно самихъ съ собой миритъ и исправляетъ,
Другая отъ тоски, отчаянья спасаетъ;
Надежды связью насъ между собой крѣпитъ,
Картины юныхъ лѣтъ при старости живитъ.
И какъ бы мы могли въ послѣднія минуты
Надеждъ и страха вдругъ сносить волненья люты,
Когда бы не она щадила нашъ покой,
Печали отводя спасительной рукой?
Изъ всѣхъ доводовъ сихъ довольно, чаю, ясно,
Что въ среднихъ лишь годахъ дружиться безопасно.

И я, доживъ до нихъ, могу за щастье счесть,
Что званья друга мнѣ присвоили вы честь.
Умѣю я ее цѣнить въ высокой мѣрѣ,
За тѣмъ что при моей несноснѣйшей потерѣ
Ни что не можетъ такъ спокоить скорбный духъ,
Какъ искренній, прямой и вмѣстѣ нѣжный другъ.
Ужьли не дастъ мнѣ Богъ и дружбой наслаждиться,
Когда самъ Онъ, сей Богъ — привелъ всего лишиться?
О, нѣтъ! друзьями мы пребудемъ межь собой,
Доколѣ смерть велитъ разчестться мнѣ съ Судьбой!

ПОСЛАНІЕ КО МНѢ.

Si vous voulez, que j'aime encore,
Rendez-moi l'âge des amours,
Au crepuſcule de mes jours
Joignez-y, s'il se peut, l'aurore.

Въ слѣдующихъ стихахъ только риѳмы мнѣ принадлежатъ, впрочемъ содержаніе ихъ помѣщено въ одномъ ко мнѣ письмѣ отъ неизвѣстнаго. Спустя нѣкоторое время послѣ кончины жены моей, я гулялъ въ довольно большомъ обществѣ за городомъ, и обходя кладбище, отгороженное въ мѣлкомъ лѣсу, увидѣлъ я сухое дерево. Мысль о ничтожествѣ человѣческомъ соединилась съ воспоминаніемъ о моей Евгеніи въ разстроенномъ

воображеніи, и я велѣлъ вязъ сухой срубить, потому что онъ портилъ видъ прочихъ богато одѣтыхъ деревьевъ. Въ минуту онъ упалъ въ глазахъ моихъ, и это была минута меланхолическая, въ которую я не могъ дать никакой причины движеніямъ моего сердца: онѣ были свободны и не дожидались разсудка. Нѣсколько дней потомъ, я получилъ письмо, чаятельно отъ кого-нибудь изъ гулявшихъ со мною въ томъ же мѣстѣ; содержаніе его обратило на себя мое вниманіе; оно было написано безъ всякихъ правилъ, стихами не мѣрными и обезображено. — Я въ досужной часъ привелъ его въ то состояніе, въ которомъ оно здѣсь напечатано; а неизвѣстному отвѣчалъ поставленными въ заглавіи стихами Г. Вольтера. Увѣренъ будучи, что естьли Особа, почтившая меня своимъ письмомъ, не разумѣетъ по Французски, то вѣрно имѣетъ знакомыхъ, кои ей перевести содержаніе ихъ могутъ.

✣

Вдовецъ! какъ можешь ты сей вязъ сухой рубить,
Когда ты хочешь самъ ему подобенъ быть?
Когда ты, посвятивъ женѣ умершей душу,
Вездѣ вѣщаешь всѣмъ: я клятвы не нарушу,
Евгеньѣ вѣренъ я пребуду навсегда!
Другая чувствъ моихъ не тронетъ никогда! —
И ты ли рубишь вязъ за то, что онъ безплоденъ,
И портишь лишь красу другихъ деревьевъ годенъ?

Онъ тѣни не даетъ — ни пищи — ничего;
Велѣлъ — топоръ махнулъ — свалился —
нѣтъ его! —
Спокойся; онъ твой взоръ уже не поражаетъ,
И крикъ совы на немъ пернатыхъ не пужаетъ.
Такъ бѣдствуетъ и мужъ безъ милыя жены:
Всѣ радости отъ чувствъ его удалены;
Онъ ноетъ, и въ его семействѣ всѣ унылы;
Хоть дѣти для него любви залоги милы,
Но имъ души его наполнить всей не льзя:
Онъ видитъ въ нихъ свое, но не всего себя;
Не то, что зритъ супругъ въ супругѣ
драгоцѣнной,
Любовію святой съ нимъ тѣсно сопряженной, —
Съ дѣтьми — влечется къ нимъ изъ сердца
вонъ любовь;
Съ женою — отъ нее втекаешь паки въ кровь.
Не внѣ, но въ насъ самихъ иногда любовь
пылаетъ,
И перстной жизни дни въ дни неба превращаетъ; —
Съ любовію дѣтей — всегда въ связи печаль;
Отецъ пристроитъ дочь — разстанься съ
нею жаль!
Ушлетъ ли сына въ полкъ — съ тоски по немъ
крушится:
Какихъ для сына бѣдъ родитель не боится!
Но гдѣ въ супругахъ миръ — жена тамъ я
другой:
Все дѣлитъ по поламъ — вездѣ она со мной;
Она мой другъ, совѣтъ, отрада, наслажденье;
Жена всѣхъ нѣжныхъ чувствъ есть точка
привлеченья! —

Среди судьбиныхъ золъ семейственный отецъ
Въ объятіяхъ жены находитъ слезъ конецъ;
Въ болѣзни — кто жены надежнѣе въ услугахъ?
И въ старости самой, по свычкѣ ихъ другъ
съ другомъ,
Такъ нечувствительно достигнутъ до нее,
Что ставятъ ни во что всѣ ужасы ее.
Но ты рѣшился быть одинъ въ пространномъ мірѣ,
Влюбляться внѣ себя въ Евгенію въ эфирѣ —
Мечтать объ ней — искать ее на небесахъ —
Дѣлиться сердцемъ съ ней въ Архангельскихъ
странахъ:
Прекрасенъ твой восторгъ! но ты живешь
въ Природѣ;
Отъ склонности ея не можешь быть въ
свободѣ.
Уже ли кто сочтетъ безстрастнымъ - быть
тебя?
Кого увѣришь въ томъ? — всѣхъ менѣе себя! —
Разсудокъ наложилъ вотще на сердце бремя —
Оно чувствительно — хладѣть ему не время;
Усиліе твое противу нѣжныхъ чувствъ
Есть дѣйствіе ума и плодъ его искуствъ;
Но сердце въ нихъ совсѣмъ участья не имѣетъ,
Оно его затѣй отнюдь не разумѣетъ;
И сколько ты его подъ гнѣтомъ ни дави,
Повѣрь, что для людей, разнѣженныхъ въ
любви —
Людей такихъ, какъ ты, томящихся всечасно,
Которыхъ движитъ все, что чуть чуть
лишь прекрасно —

Творецъ міровъ еще не создалъ тѣхъ пре-
градъ,
За коихъ не давалъ закона милой взглядъ.
Ты страждешь, потерявъ супругу добру,
милу;
Ей нѣтъ замѣны, такъ — почти ея мо-
гилу, —
Печальной гробъ ея слезами ороси,
Душевну жертву ей вседневно возноси —
Боготвори ее — но все не заблуждайся,
И въ мірѣ жить одинъ весь вѣкъ не поку-
шайся:
Не нуженъ подвигъ сей ни мертвымъ, ни
Творцу;
Смягчи колючій путь, ведущій насъ къ концу.
Кто во время его успѣлъ убрать цвѣтами,
Тотъ шествуетъ по немъ отважными ша-
гами,
И бросивъ взоръ назадъ, не тужитъ онъ о томъ,
Что мертвенной его останется здѣсь домъ.
Дождись минуты сей — ея ты не минуешь,
И такъ какъ ты теперь въ лѣсу здѣсь него-
дуешь
На вязъ сухой, къ твоимъ поверженный но-
гамъ,
Наступятъ тѣ часы, въ которыя Богамъ
Угодно будетъ смерть, воззвавъ изъ странъ
полночныхъ,
Велѣть тебя среди людей здоровыхъ, мочныхъ,
За то что ты и старъ, и сѣдъ, и портишь
видъ,
Скосить, какъ вязъ сухой — и смерть тебя
свалитъ!

Дождись! а между тѣмъ живи, какъ жить
возможно;
Любезное любя, не прячься осторожно,
И сердцу своему пылать лишь не давай;
А вовсе у него тепла не отнимай. —

ТАЛЬША.

Какая мудрость въ пышномъ градѣ
Душевны раны врачевать,
Въ шуму, въ разсѣяньи, въ прохладѣ,
Печаль изъ сердца выживать?
Тамъ знатной свѣтъ, тамъ просвѣщенье,
Искуство, промыслы найдешь;
Въ Москвѣ что шагъ, то развлеченье;
Двухъ мыслей мрачныхъ не сведешь.

❋

Но въ полѣ, въ полѣ утолиться
Чѣмъ можетъ сильная печаль?
Куда нещастной ни стремится,
Вездѣ потери милой жаль.
О какъ пріятны тутъ бываютъ
Гостепріимство и любовь!
Онѣ сѣдины оживляютъ,
Застылую согрѣютъ кровь.

❋

Вчера въ пути мы наслаждались
Мгновеньемъ древнихъ дней златыхъ,
Усердной лаской угощались —
Сей собственностью душъ простыхъ,

Стихи прекрасные читали,
Не занимались суетой,
И гдѣ же мигъ такой досталъ?
На Тальшѣ, рѣчькѣ небольшой.

*

Ее въ ландкартахъ не рисуютъ;
Въ ея струяхъ нѣтъ стерлядей;
Суда на парусахъ не дуютъ,
Индѣйскій грузъ не тонетъ въ ней:
Но люди добры и любезны
При ней спокойно дни ведутъ;
Ихъ жизнь скромна, труды полезны:
Они читаютъ, сѣютъ, жнутъ.

*

Да будетъ щастье долговѣчно
Надъ ихъ убѣжищемъ сіять!
Тотъ щастливъ долженъ быть конечно,
Кто любитъ горесть обласкать.
Увы! еще въ прошедшемъ лѣтѣ
Моя судьба какъ рай цвѣла;
Кому завидовалъ я въ свѣтѣ —
Когда Евгенія жила? . . . . . .

НОЧНАЯ ПОѢЗДКА.

Пріятно, говорятъ, въ дорогѣ быть тогда,
Какъ мѣсяцъ въ полнотѣ всю землю озаряетъ.
У всякаго свой вкусъ — меня-такъ никогда
Ночной порою путь отнюдь не забавляетъ.

❋

Я въ мѣсячную ночь готовъ совсѣмъ не спать,
И вплоть до бѣла дня торчать одинъ въ окошкахъ:
Всё лучше, чемъ съ самой Венерой разъѣзжать,
Въ каретѣ ли — въ возкѣ — въ саняхъ, или на дрожкахъ.

❋

Мнѣ всё равно, на чемъ — и въ чемъ — и какъ — и съ кѣмъ,
Я ночью не ѣздокъ, хоть дай почтовыхъ даромъ;
Охотнѣе сухарь въ своемъ домишкѣ съѣмъ,
Чемъ за сто верстъ скакать въ дормезѣ за нектаромъ.

❋

День созданъ для суетъ, а ночь для тишины:
Всё къ стати въ естествѣ Творецъ натуры строитъ;
Онъ знаетъ, для какой насъ имянно вины
По утру будитъ день, а къ ночи сонъ покоитъ.

❋

Мы сами своему спокойствію враги ;
Намъ хочется вездѣ затѣять суматоху ,
Хоть самижъ видимъ сплошь , что наши всѣ шаги
Намъ спюютъ или слезъ, или конечно вздоху.

*

Сколь часто мы себѣ воображаемъ рай ,
Составивъ изъ идей картины распрекрасны ,
И тотчасъ лошадей курьерскихъ подавай !
За чѣмъ ? — куда ? — скакать во пропасти ужасны.

*

Родится человѣкъ съ способностью ступать,
И пусть бы вѣкъ ходилъ — земли на свѣтѣ много !
Но встрѣтилась вода : по ней не льзя шагать ;
Тотчасъ поспѣлъ корабль — и на море дорога.

*

Казалось бы , за тѣмъ чего еще хотѣть ?
Весь свѣтъ (а свѣтъ великъ !) объѣхать научился :
Нѣтъ , мало ! — дай еще за облако летѣть :
Надулъ тафтяной шаръ — и въ воздухѣ явился.

*

Что послѣ? — пустяки; — о жалкой человѣкъ!
Покоя не щадя, чтобъ быть впередъ спокойнымъ,
Летаешь ты, плывешь и скачешь весь свой вѣкъ,
А смерть вдругъ ставитъ грань твоимъ мѣстамъ нестройнымъ!

*

Пріятель мой *Глассонъ* давно бы мнѣ сказалъ,
Что Гуфландъ или Галль на нервы въ этомъ шлются;
А я - такъ и безъ нихъ давно ужъ отгадалъ,
Что люди вкругъ бѣды какъ мухи къ свѣчкѣ жмутся.

*

Блаженъ, кому далъ Богъ жить дома безъ тоски,
Съ пріятною женой союзъ любви вкушая!
Хоть какъ его Судьба ни жметъ въ свои тиски,
Онъ щастливъ, сноситъ все, безсмертныхъ ублажая.

*

Жить дома, быть въ семьѣ, безъ распри, безъ клеветъ,
Имѣть насущной хлѣбъ — кафтанъ — огонь въ каминѣ: —
Вотъ щастье, — вотъ покой, — инаго въ свѣтѣ нѣтъ! —
Тотъ подлинно во всемъ съ Богами въ половинѣ.

*

За чтожъ отъ благъ такихъ хотѣть еще кому,
Для мнимаго добра, изъ края въ край шататься?
Какъ Пирру нѣкто рекъ, и ябъ сказалъ ему:
„Да чтожъ тебѣ претитъ и дома всё смѣяться?“

*

Мой домъ, увы! хотя могилой сталъ съ тѣхъ поръ,
Какъ я лишенъ жены, съ женами несравненной;
При всемъ томъ изъ него, луной чтобъ тѣшить взоръ,
Не двинусь ни въ какой прелестной край вселенной.

УСПЕНСКОЕ.

Согласенъ съ вами я: Успенское село
Наполнено красотъ, влекущихъ къ восхищенью;
Но время отъ меня далеко увело
Тѣ годы, въ кои мы готовы къ изумленью.

*

Живемъ мы два мига: одинъ сначала тотъ,
Въ которой духъ любви всѣ чувства обнимаетъ;
Другой, когда нашъ умъ подъ бременемъ заботъ,
Оплакавъ красны дни, ночь вѣчну предвѣщаетъ.

*

Что можетъ быть милѣй Успенскаго села,
Въ томъ видѣ, какъ мы въ немъ день цѣлой проводили?
Родство, пріязнь, любовь, нечаянность свела,
Другъ другу всякъ былъ радъ, и непогодь забыли.

*

Прелестной павильйонъ казался милой рай;
Но вечеръ лишь одинъ въ немъ брошенъ былъ Судьбою,
На завтре раздалось унылое прощай!
И я свою печаль повезъ опять съ собою.

*

Она одна моя сопутница вездѣ;
Я ею наученъ питать въ себѣ безстрастье.
Отнятыхъ благъ когда сыскать не льзя нигдѣ,
То пусть меня мое переживетъ нещастье!

РАЗМЫШЛЕНІЕ НА БЕРЕГУ РѢКИ КЛЯЗЬМЫ,

при погостѣ Архидіакона Стефана, между Гороховцомъ и Вязниками.

Oh! que la Nature eſt grande!

Руссо, на небо взоръ послѣдній обращая,
Природу восхвалилъ съ восторгомъ, умирая,
И мнилъ, что духъ его, очищенъ отъ страстей,
Оставя персть на вѣкъ, вселится въ нѣдра къ ней;
О какъ велика ты! — Руссо такъ восклицаетъ;
Сказавъ, постигъ ее, и въ ней ужъ пребываетъ.
Ученіе сего Философа любя,
Природа! здѣсь и я почувствовалъ тебя.
Съ горы среди могилъ, у ногъ дубовъ вѣтвистыхъ,
Я въ Клязьмѣ вижу токъ то мрачныхъ струй, то чистыхъ.
Естественное зря движеніе воды,
Смотрю большихъ судовъ на скромные слѣды,
И думаю: — вотъ такъ Судьба дни смертныхъ коситъ;
Вода несетъ суда, а время жизнь уноситъ,
За каплей капля водъ въ моря бѣжитъ изъ рѣкъ:
Живой примѣръ, какъ мы день за днемъ гонимъ вѣкъ.
Взгляните у вершинъ на ключь воды прозрачной:
Въ пологихъ берегахъ бѣжитъ средь нивы злачной;

Источникъ его чистъ, на днѣ каменьевъ нѣтъ,
Тѣнь горъ крутыхъ ему не застилаетъ свѣтъ;
Рѣзвясь онъ не шумитъ, народа не тревожитъ,
Едва лишь челночекъ спустить порожній можетъ.

Такъ точно человѣкъ въ младенчествѣ своемъ,
Когда еще страстей не видимъ вредныхъ въ немъ,
Невинный, — онъ свой мячь туда сюда швыряетъ,
Ни хитраго сѣтей, ни злобныхъ зла не знаетъ.

Подолѣе ручей постелю разширилъ;
Волненія позналъ, и омуты сокрылъ;
Насупили надъ нимъ древа верхи густые,
Въ излучинахъ ладьи плывутъ ужъ не пустыя;
Плотинами рѣку Механики крѣпятъ,
Огромны шестерни трудиться ей велятъ.

Такъ отрокъ, ощутивъ робячьи наслажденья,
Силъ мѣру испытавъ и страхъ сопротивленья,
Искуствомъ наровитъ вожатыхъ обмануть,
То рѣзвится, шалитъ, то плачетъ, чтобъ тронуть;
Но тѣ, уловокъ сихъ изслѣдовавъ причины,
Готовятъ для него моральныя плотины,
И льстятся дикой нравъ неволею смиря,
Что жизни его тѣмъ прочистится заря.

Потомъ, прервавши всѣ художества преграды,
Чрезъ многи сотни верстъ, сквозь разны села, грады,

Вдругъ Волга, Донъ, Ока являются глазамъ,
Гордясь богатствомъ водъ, несутъ ихъ въ дань морямъ;
Тамъ тысячи людей, съ имъ свойственной отвагой,
Безъ коней, безъ колесъ и движимы лишь влагой,
О каршу зацѣпясь подъ брызгами волны,
Летятъ ложиться въ гробъ свирѣпой глубины!

Какъ часто видимъ мы въ печальной той же долѣ
И юношу, когда, своей добившись воли,
Наполненъ остроты, спѣшитъ восхитить свѣтъ —
Нещастный! — умъ бѣда, когда разсудка нѣтъ!
Безъ опытовъ одинъ великодушный пламень
Въ сообществѣ людей есть тотъ подводный камень,
Которой на бѣгу порывистомъ суда
Наждавши не щадитъ, и сокрушитъ всегда.

Изъ рѣкъ мое туда летитъ воображенье,
Куда влечетъ всѣхъ ихъ природное склоненье;
Въ туманѣ посреди дымящихся валовъ
Огромной вижу строй купеческихъ судовъ;
Для нихъ всѣ страхи тамъ Природа съединила,
И пользѣ и бѣдамъ путь жидкой проложила.
Стяжатель грузъ на грузъ мечтаетъ промѣнять,
За страхъ, за трудъ, за потъ сокровища доспать,
И жаждетъ мысъ узрѣть земли обѣтованной,
Пятою хищника доселѣ непопранной.

Твердыни кажетъ видъ обманчивая зыбь,
Штиль царствуетъ, — матросъ вонзаетъ якорь въ глыбь;
Торговля, разочтя надежные успѣхи,
Воскликнула: барышь! — повсюду игры, смѣхи,
Всѣ пьютъ, поютъ, курятъ, — летятъ изъ бочекъ дны, —
Какъ вдругъ разсвирѣпѣвъ Эоловы сыны,
Предтечи грозныхъ тучъ и вѣстники ненастья,
Воздвигнувъ море, вмигъ надули всѣ нещастья.
А ты, космополитъ! куда свой правишь бѣгъ?
Вернись! — еще въ виду твоей отчизны брегъ;
Иль смѣлости своей прославить хочешь чувство,
И въ странствіяхъ морскихъ усовершивъ искусство,
Невѣдомость открыть? — Такъ плылъ безсмертный Кукъ
Предѣлы разширять и міра и наукъ; —
Дерзай! — но вкругъ тебя изъ облакъ тмятся тучи,
На мачтахъ, зря бѣду, висятъ матросовъ кучи;
Ты самъ бѣжишь смущенъ испытывать Аплась;
Все поздо! не спасутъ ни флаги, ни компасъ;
Что парусы твои? — дрянная паутина! —
Останься на мѣли, доколь пожретъ пучина.
Судьба черкнула твой на камнѣ приговоръ;
Къ родительскимъ странамъ простри послѣдній взоръ,
И новый, сокрушась, яви примѣръ вселенной,
Что пользы нѣтъ въ одной теоріи надменной.

Ужь въ ярости струи на части судно рвутъ,
И признаковъ его однѣ щепы плывутъ.

Вотъ молодости здѣсь плачевная картина,
Когда въ страстяхъ ея запутана судьбина!
Доколь не перешелъ за возрастъ твой намъ вѣкъ,
Моральнымъ бурямъ злымъ подверженъ человѣкъ;
Обманы вкругъ его какъ вихри въ уши дуютъ;
То ропщетъ пылкій умъ, то чувства негодуютъ.
Какъ тяжко въ свѣтѣ жить и прать противу зла!
Конечно! — Но ужь ли Природа создала
Всѣхъ насъ на тотъ конецъ, чтобъ быть щастливымъ даромъ?
Ахъ, нѣтъ! — Творецъ людей поставилъ въ цѣль ударамъ
Разительнѣй стократъ, чѣмъ ужасы тѣхъ тучь,
Которы въ одинъ мигъ разсыплетъ солнца лучь.
Любовь — сердечный червь, и ревность, врагъ ужасный,
Воинскій рьяный духъ, — припадокъ столь опасный —
Довольно сихъ страстей, когда разсудокъ малъ,
И должной перевѣсъ надъ сердцемъ потерялъ;
Довольно, чтобъ потрясть всѣхъ правилъ основанье,
И жертвой сдѣлать насъ безумнаго желанья!

А тамъ, гдѣ горизонтъ теряется всѣхъ странъ,
Какъ вѣчность, вижу я бездонный Океанъ,

Сей поясъ всѣхъ міровъ, всѣхъ водъ совокупленье,
Безчисленныхъ твердынь живое раздѣленье.
Въ пространномъ безъ границъ сліяніи морей
Плывучія тѣ зрю хранилища смертей,
Которыхъ славы страсть и ярость посылаетъ,
И громъ мѣдяныхъ жерлъ врагамъ уготовляетъ.
Духъ Божій надъ водой дни смертнаго блюдетъ,
Еще ему, еще опомниться даетъ!
Тамъ китъ, морей деспотъ, — тамъ хищны крокодилы,
Для тьмы нещастныхъ тѣлъ готовыя могилы,
Ныряя подъ водой, пучину шевелятъ,
И бездну изъ ноздрей фонтанами родятъ.
Все смертный одолѣлъ! — но вдругъ средь бурь ужасныхъ
Колеблется, трещитъ громада стѣнъ опасныхъ;
Въ Природѣ начался междоусобный бой,
И воздухъ и огонь смѣшалися съ водой, —
Чтобъ ужасъ Естества сильнѣй изобразился,
И стройный міръ на часъ въ хаосы превратился.
Натура! — гдѣ твоя дѣвалася краса?
Сражайтеся со мной! вѣщаютъ Небеса,
Кидайте вашъ чугунъ въ мои разженны своды!
Тебѣ ли, сынъ земли, стоять противъ Природы?
Ступайте флоты всѣ, несите въ алчный зѣвъ
Чудовищамъ морскимъ богатства вашихъ чревъ!
Всесильный дхнулъ на нихъ, и молніи небесны
Во преизподнія всѣлили безъизвѣстны.
О бездна! кто твою бы ярость укротилъ,
Когда бы Богъ не Самъ предѣлъ ей положилъ,

Предѣлъ, какого нѣтъ въ затѣяхъ человѣка?
Сей, дерзкій отъ началъ и до скончанья вѣка,
Подобно духу въ немъ живуща Божества,
Превыше самаго стать хочетъ Естества.
Богъ рекъ! и паки все въ порядокъ прежній входитъ,
Вода свои брега, и небо кругъ находитъ.
Послѣдній жизни часъ не всѣхъ еще постигъ,
Со смертію въ борьбѣ тамъ множество другихъ:
Отчаянный пловецъ, хватаясь за обломки,
Въ смятеніи забывъ намѣренія громки,
Радёхонекъ ужъ, радъ, что на берегъ пустой
Причаленъ кое-какъ спасительной доской;
Но тамъ его, но тамъ Природа не оставитъ,
И пищу и покровъ она ему доставитъ,
Явитъ ужасныхъ бѣдъ желаемый конецъ,
И паки солнце зритъ заблуждшійся пловецъ.
Сей міръ есть Океанъ, въ которомъ повсечасно
Изъ замысла въ другой, безъ пользы, хоть опасно,
Мы ищемъ кое-какъ дни старости убить,
И молодость свою при смерти позабыть.
Въ насъ душу Богъ вложилъ столь страстнаго состава,
Что естьли не любовь, то въ ней пылаетъ слава;
Какъ первый гаснетъ жаръ, — послѣдній закипитъ,
И куревомъ его разсудокъ угоритъ.
Тутъ гордости пустой появится начало:
Что смертному ни дай, ему всё будетъ мало;
Превыше всѣхъ боговъ свой идолъ ставя честь,
Въ спокойной тишинѣ не можетъ дней провесть,

На сушѣ, на моряхъ, вездѣ владѣть стремится;
Дай на небѣ престолъ, — и тамъ не умѣстится!
Что зиждешь, какъ Гигантъ, подмостки къ облакамъ?
Чего тебѣ? — чего? — не вѣдаешь и самъ.
Безсмертная душа такъ въ узахъ плоти страждетъ,
И вѣчность предъ собой отверзту видѣть жаждетъ:
Опомнись, старичокъ! — близь гроба отдохни,
Съ раскаяньемъ на жизнь прошедшую взгляни:
Во что ты тратилъ умъ и всѣ душевны силы?
Ушелъ ли на крылахъ Фортуны отъ могилы?
Ни мало! — точно такъ, какъ бѣдный нашъ пловецъ,
Который, видя свой безвременной конецъ,
Отчаянъ, безъ ума, за доску ухватился,
На верьхъ воды съ ней всплылъ, и къ берегу прибился.
И ты, мятежной свой почти проживши вѣкъ,
Не спасся отъ Судьбы и къ пристани притекъ!

О вѣчность, пристань всѣхъ носившихъ жизни бремя,
Куда скрываются и твари всѣ и время!
Блаженъ, кому твои отверзлися врата!
Его ужь не плѣнитъ земная красота:
Здѣсь грѣютъ насъ однѣ вещественны свѣтила;
На часъ всё хорошо, — и на секунду мило;
Но тамъ нѣтъ ни часовъ, ни мѣсяцовъ, ни лѣтъ,
Безъ мрачности весна, и безконечный свѣтъ!

ХИЖИНА НА РПѢНИ.

Las de boire la lie
De ce calice amer, que l'on nomme la vie.
- - - - - - - - - - - - - - - - - -
Je regarde la tombe azyle souhaité.

1.

Здѣсь миръ, свобода, тишина,
Со мной въ согласьи обитаютъ;
Моихъ досуговъ здѣсь и сна
Не къ спати люди не смущаютъ;
Живу съ Натурой за одно,
И съ ней ни въ чемъ не разбиваюсь,
Ея богатствомъ наслаждаюсь;
Всѣ дни мои текутъ равно.

2.

Со всходомъ солнца, Богу я
Во храмѣ сердца жертву дѣю;
Дѣла Зиждителевы зря,
Молчу — дивлюсь — благоговѣю!
Мнѣ все вѣщаетъ здѣсь объ Немъ,
И сводъ небесъ нерукотворный,
И водъ источникъ благотворный
Моимъ все создано Творцемъ!

3.

И всѣ въ связи между собой —
Земля насъ кормитъ — солнце грѣетъ;
Луна, сдружившися съ тоской,
Сердца печальныя лелѣетъ, —
Вода всѣмъ прихотямъ слуга, —
Крестьяне, праздные умами,
На насъ работаютъ хребтами,
А бабы ставятъ имъ рога.

4.

Я здѣсь вонзаю въ землю плугъ,
Завѣтъ Адамовъ исполняя;
Или кошу свой чистой лугъ,
Лошадкамъ корму добывая;
Вокругъ меня косцы поютъ,
И всякъ, убравъ свою дѣлянку,
Тащитъ свой хлѣбъ — тащитъ и склянку,
На лугъ садятся всѣ и пьютъ.

5.

О! вѣрно — вѣрно ни одинъ,
Въ Москвѣ живущій на досугѣ,
Роскошной, знатной Господинъ
Ни въ день родинъ своей супруги
Такъ сладко въ горлышко не льетъ
Бокалъ напитка выписнова,
Какъ здѣсь крючокъ вина простова
Крестьянинъ мой вспотѣвши пьетъ!

6.

Неволи свѣтской весь обрядъ
Не терпитъ здѣсь употребленья;
Халатъ опрятной — вотъ нарядъ,
Вотъ мой мундиръ уединенья;
Меня не чешутъ три часа,
Духовъ не носятъ орошаться;
Мнѣ Рпѣнь (а) готовитъ умываться;
Въ лаханѣ вижу небеса!

(а) Названіе рѣки, протекающей подъ Владиміромъ и впадающей въ Клязьму.

7.

Вездѣ со мной моя *Дулеръ* (6),
Швейцаръ угрюмой, осторожной,
Въ догадкѣ скоръ, резовъ, остеръ,
И словомъ — другъ всегда неложной —
Такое имя отъ меня
Дано ему и не напрасно,
За то, что онъ со мной всечасно
Такъ точно, какъ и скорбь моя.

8.

Когда Левиты въ городахъ,
Бѣгомъ съ базаровъ устилая,
Поднимутъ шумъ въ колоколахъ,
Къ себѣ своихъ овецъ скликая;
То есть, какъ десять бьетъ часовъ,
Ко мнѣ тогда несутъ обѣдать,
И мной воспитанныхъ отвѣдать
Безвредныхъ здравію плодовъ.

9.

Плыву на лодкѣ въ мой намѣтъ
Изъ хижины уединенной:
Тамъ мой желудокъ скромно ждётъ
Насущной хлѣбъ обыкновенной;
Приправъ всѣхъ лучше — аппетитъ;
Я ѣмъ, я пью, я насыщаюсь,
Ума въ Шампанскомъ не лишаюсь,
Минутъ десятка два — и сытъ.

---

(6) Имя моей собаки.

10.

Люблю однакожъ за сполома
Обычай пить друзей здоровье ;
Всѣхъ вамъ желаю благъ виномъ ,
Души безсмертное Сословье ! —
Друзья ! мечтайтесь мнѣ вездѣ :
Въ Столицѣ , въ хижинѣ , въ дубравахъ ;
Питайте духъ въ тоскѣ , въ забавахъ ;
Безъ дружбы щастья нѣтъ нигдѣ !

11.

Тѣмъ пиръ мой конченъ , и Морфей
Меня къ подушкамъ преклоняетъ ,
Межь тѣмъ какъ тысячу идей
Намётъ мой пестрой порождаетъ. —
Таковъ же , помню , былъ шатеръ
И тотъ , гдѣ Шведскій побѣдитель ,
Хрущовъ , Ангальтовъ отомститель ,
У Савитайскихъ жилъ озеръ (в).

12.

Набойка тажъ — и тотъ же шовъ ,
Но сходства впрочемъ нѣтъ ни мало ;
Тамъ день и ночь между штыковъ ,
Всё гнѣвомъ и войной дышало ,
Текла со Шведской наша кровь ;
А здѣсь , въ пріятностяхъ свободы ,
Крестьянки водятъ хороводы ,
Въ кругу ихъ царствуетъ любовь !

(в) Во время послѣдней Шведской войны Г. Генералъ-Маіоръ Хрущовъ подъ Савитайполемъ разбилъ Барона Армфельда , 24 Маія , спустя немного времени послѣ Пардакойскаго дѣла , на которомъ Принцъ Ангальтъ потерялъ ногу и умеръ.

13.

Имъ нѣтъ запрету никогда
Ходить толпой въ мою палатку.
О! какъ смѣюсь я иногда,
На робкую смотря ухватку,
Съ какой, увидя телескопъ,
Къ нему на цыпочкахъ подходятъ,
Кругомъ вертятъ — потомъ наводятъ,
И скачутъ, свой увидя снопъ.

14.

Иная, жмуряся въ стекло,
Кричитъ своей подругѣ съ жаромъ:
Вонъ наше Доброе село (г)!
Какъ тутъ, взгляни, нашъ хлѣвъ съ анбаромъ
По мѣрѣ, какъ очамъ предметъ
Лучь солнца близитъ, отражаетъ!
Ихъ все дивитъ и поражаетъ;
Для нихъ окрестность — цѣлый свѣтъ!

15.

Не хочетъ ли кто взять труда
Внушить имъ Оптики законы?
Пожалуйте ко мнѣ сюда
Лаланды, Эйлеры, Невтоны —
Скажите имъ, коль вамъ досугъ,
Какъ солнце движется въ эфирѣ,
Какъ лучь его дробится въ мірѣ;
А я пойду соснуть на лугъ.

(г) Такъ называется село, смежное съ городомъ.

16.

Какъ, чаю, душно вамъ въ Москвѣ
Теперь, богатые Вельможи!
Я, лежа здѣсь на муравѣ,
Быть въ вашей не желаю кожи. —
Въ Столицѣ стукъ одинъ каретъ
И пыль несносная замучитъ,
Кромѣ того, что такъ наскучитъ
Театръ вседневныхъ тамъ суетъ.

17.

Во снѣ пригрѣзился мнѣ валъ,
Безъ тѣни, безъ воды гулянье,
Театръ, клопъ Англинской, воксалъ
И благородное Собранье —
Проснусь — и очень право радъ,
Что все то было сновидѣнье! —
Скорѣй въ мое уединенье
Плыву на лодочкѣ назадъ.

18.

Нѣтъ! здѣсь не льзя съ тобой во всемъ
Піитъ (д) любезный согласиться;
Хотя въ письмѣ ко мнѣ своемъ
Мечтами любишь веселиться,
И чтишь существенность бѣдой —
Приди сюда, взгляни на ивы,
На долы, горы и заливы,
Будь щастливъ Истинной одной!

(д) Въ посланіи ко мнѣ Князя Шаликова, помѣщенномъ въ Сентябрѣ мѣсяцѣ Московскаго Зрителя, напечатанъ слѣдующій стихъ:

Дни смертнаго въ мечтахъ лишь только хороши!

19.

Пока гулять мѣшаетъ жаръ,
Пускай на ложахъ Сибариты,
Вина почувствовавъ угаръ,
Храпятъ сномъ тягостнымъ убиты;
Пускай закройщики стиховъ
Въ мурьѣ тачаютъ мадригалы,
Готовятъ Милымъ ихъ на балы,
Чтобъ въ спискѣ стать полубоговъ;

20.

Мое занятіе одно:
Читать, писать и упражняться!
Подъ часъ люблю смотрѣть въ окно
И мыслью мрачною питаться —
Для свойствъ унылыхъ — пища все —
Делиль — когда тебя читаю;
Задумавшись — вездѣ кидаю
Воображеніе мое.

21.

Отсюда вижу я тотъ градъ,
Гдѣ былъ престолъ Князей Россійскихъ;
Что нынѣ сталъ Владиміръ? — садъ!
Подобно такъ въ предѣлахъ Римскихъ
Потомки Ромула поютъ;
И здѣсь граждане не воюютъ,
Въ Москвѣ лишь вишнями торгуютъ
И бердышей ужъ не куютъ.

22.

Отсель прекрасну гору зрю,
Студеною (е) здѣсь нареченну,
За то, что нѣкогда тутъ прю,
Ревнивой страстію возженну,
Двѣ Князя Невскаго жены
При встрѣчѣ радостной рѣшили,
Въ объятьяхъ гордой духъ смирили,
Презрѣвъ мірскія суеты. —

23.

Вотъ тутъ шелъ Царь-Иванъ въ Казань —
Сей, правъ не пощадя народа,
Хотѣлъ собрать насильно дань —
Отпоръ ему дала свобода! —
Вотъ дворъ, гдѣ пылкій Глѣбъ княжилъ —
Батый пришолъ, и въ гнѣвѣ яромъ,
Какъ волкъ ягнятъ, однимъ ударомъ
Владиміръ весь испепелилъ!

24.

Мой взоръ, отъ сихъ печальныхъ сценъ
Другихъ искать стремяся видовъ,
Новѣйшихъ памятникъ временъ,
Встрѣчаетъ замокъ Инвалидовъ:
Тутъ состраданье и любовь
Даютъ убѣжище заслугамъ,
Голоднымъ хлѣбъ — Врача недугамъ,
И юную питаютъ кровь.

(е) Анекдотъ Владимірскаго края, преданіями сдѣлавшійся достопамятнымъ. —

25.

Тутъ воинъ, всѣхъ лишенный силъ,
Вкушаетъ въ первой разъ спокойство;
Онъ весь свой вѣкъ стрѣлялъ, палилъ —
Стяжалъ увѣчьями геройство.
Ужлибъ изъ нихъ здѣсь не нашлось,
Съ Римникскимъ кои бы сравнились,
Когдабъ со службой съединились
Порода, щастье *и авось*? —

26.

А тамъ, гдѣ вѣтеръ вѣетъ прахъ —
Что вижу? смерть, кресты, могилы!
Ничтожества ужасной страхъ
Объялъ вдругъ духъ, проникъ всѣ жилы.
О Боже! что есть человѣкъ?
На что велѣлъ ему родиться,
Когда, какъ тѣнь, какъ сонъ, промчится
И самый длинный его вѣкъ?

27.

Ищу Парасскихъ тамъ гробницъ,
Колоннъ уписанныхъ стихами —
Оставимъ гордость для Столицъ,
Въ землѣ чѣмъ хвастать передъ нами!
Для входа въ вѣчну жизнь билетъ
Не по чинамъ даютъ намъ Боги;
Судьи безсмертные тамъ строги:
Ни лицъ, ни мзды въ вѣсахъ ихъ нѣтъ.

28.

Покойтесь вы до тѣхъ же поръ,
О тѣни въ сей странѣ любезны!
Надъ вами здѣсь вседневный хоръ
Во храмѣ Божьемъ канты слезны

При вздохахъ дружескихъ поетъ —
Служитель Вышняго избранный,
Куря ѳиміямъ благоуханный,
О васъ молитвы къ небу шлетъ.

29.

Такъ точно нѣкогда и я
Умру и гдѣ нибудь изтлѣю;
Но смерти сонъ вездѣ меня
Съ Евгеньей съединитъ моею! —
Когда же Твой услышу гласъ,
Живыхъ и мертвыхъ Царь небесный:
Разрушь скорѣй мой домъ тѣлесный,
Всели во гробъ ее сей часъ! —

30.

Но что за шумъ! — какой хаосъ
Мои тамъ подняли крестьяне? —
Ахъ! я забылъ, что сѣнокосъ!
Пусть пляшутъ добры поселяне;
Они не знаютъ, что печаль,
Чума чувствительнаго міра;
Что вѣкъ иной потери жаль,
Что безъ подруги сердце сира.

31.

Но выдти къ вамъ уже пора:
Они меня отъ скуки лѣчутъ;
При мнѣ живѣй у нихъ игра —
Сперва въ стога всѣ копны смечутъ,
А тамъ пойдетъ: плети плетень,
Горѣлки, жмурки, хороводы —
Вотъ тутъ-то радость, плодъ свободы!
Въ стѣнахъ ея лишь только тѣнь.

32.

За пивомъ сидя пастушки,
Тирсисы въ Рускомъ лишь уборѣ,
Дудятъ въ рожокъ, — тамъ олушки
Считаютъ звѣзды на просторѣ; —
Тутъ дѣвки машутъ безъ затѣй,
Хотя онѣ и не Бабеты,
На нихъ не шляпки, не корсеты;
Но чѣмъ повязки ихъ дурнѣй? —

33.

Былабъ уловка, взглядъ и шагъ;
До платья впрочемъ что за дѣло?
Надъ ними такъ же шутитъ врагъ
И ихъ покертываетъ смѣло.
Когда любовь, слѣпой тиранъ,
Утрафитъ въ сердце къ намъ пряменько:
Гдѣ тутъ примѣтишь хорошенько,
На комъ тюникъ, иль сарафанъ?

34.

Вотъ такъ, съ трудомъ смѣшавъ игру,
Крестьяне въ селахъ день проводятъ.
Устанутъ — спятъ и въ вечеру;
Влюбясь въ Луну, за ней не бродятъ. —
О вы, краса чужихъ отчизнъ,
Радклифъ, Жанлисъ и Сталь съ соборомъ!
Какъ много сладкимъ вашимъ вздоромъ
Разстроили вы нашу жизнь!

35.

Какъ скоро сильной жаръ свалитъ,
До Клязьмы шагъ — иду купаться,
Нырять и дна рѣки касаться,
Гдѣ стерлядь безъ боязни спитъ,

Не чувствуя, что вмигъ рыбакъ
Ее тамъ неводомъ достанетъ
И съ ней въ Москву по почтѣ грянетъ;
А тамъ въ котелъ и — на очагъ.

36.

Воды прохлада лѣтомъ рай!
Изъ Клязьмы вонъ, сажусь на лодку,
Самъ правлю бѣгъ ея въ тотъ край,
Гдѣ Богъ мнѣ далъ мою находку:
Гдѣ мой шалашъ, унынья храмъ,
Тянусь угрюмыми скалами,
И тихими приплывъ струями,
Лѣнюсь — и отдыхаю тамъ.

37.

Атласъ разкинулъ и гляжу: —
Какой пожаръ во всей вселенной!
Вездѣ раздоры нахожу.
Въ Европѣ, будто просвѣщенной —
Бѣжала изъ нее любовь!
Изъ кроткихъ перьевъ Кабинеты
Подѣлали себѣ ланцеты —
Союзовъ нѣтъ — всё кровь да кровь!

38.

Еще свѣтло, и рано сѣсть,
Иду кустовъ искать границы;
Еще могу въ очкахъ прочесть
Изъ Юнга двѣ и три страницы. —
Усталъ — пора назадъ идти;
Пришолъ, и на берегъ присѣвши,
Червей на удочку надѣвши,
Зачну гольцовъ тутъ шевелить.

39.

Плавокъ дрожитъ — я дернулъ вдругъ,
Попалъ одинъ неосторожной —
Ступай домой! — но впредь, мой другъ,
Не вѣрь приманкѣ всякой ложной:
Урокъ полезной для людей! —
Не всѣ ли мы гольцу подобны?
Какъ часто мы въ страстяхъ способны
Клевать обманъ, какъ онъ червей!

40.

Ужь вечеръ гонитъ ясный день
И солнце въ сумерки сокрылось;
Луна свою простерла тѣнь,
Въ порфирѣ блѣдныхъ звѣздъ явилась
И смотрится въ кристаллѣ рѣкъ;
Не слышанъ гулъ глухой въ народѣ;
Вся тварь покоится въ Природѣ,
Не спитъ лишь зло — и человѣкъ!

41.

Тутъ вспомня *Сердца бытіе* (ж),
Весенню пѣснь въ саду песчаномъ,
И щастье прежнее мое,
Хотѣлъ бы льстить себя обманомъ —
Вотще! — что было, то прошло!
Бренчу еще въ печальну лиру;
Но, ахъ! тѣхъ дней, какъ пѣлъ Глафиру,
Во гробъ ужь солнышко зашло!

(ж) Книга моихъ сочиненій. —

42.

Евгеньи нѣтъ! — унылъ и я —
Съ тѣхъ поръ любовь, восторгъ, блаженства
Слова пустыя для меня;
Не зрю ни въ чемъ ихъ совершенства;
Съ тѣхъ поръ въ бесѣдахъ не найду
Искуства нравиться, какъ прежде;
И такъ, сказавъ прости надеждѣ;
Ушолъ сюда — и смерти жду.

Конецъ.

Н 50 88

THE LIBRARY OF CONGRESS

THE LIBRARY OF CONGRESS